

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Герман Матвеев

ТАЙНАЯ СХВАТКА

Тарантул

Герман Матвеев

Тайная схватка

Издательство «Детская литература»

1948

Матвеев Г. И.

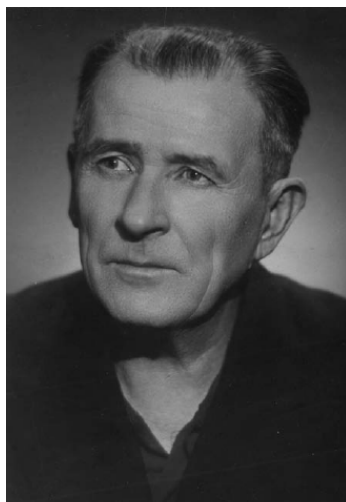
Тайная схватка / Г. И. Матвеев — Издательство «Детская литература», 1948 — (Тарантул)

Вторая книга трилогии «Тарантул». Осенью 1942 года осажденный Ленинград подвергался бомбежкам и систематическим ожесточенным артиллерийским обстрелам. Враг готовился к штурму города. Но кроме внешней угрозы существовала и внутренняя: в городе действовала тайная сеть фашистских шпионов и диверсантов. Найти и обезвредить их контрразведке помогли ленинградские мальчишки, знакомые читателям по первой повести трилогии «Зеленые цепочки». Для среднего школьного возраста.

© Матвеев Г. И., 1948
© Издательство «Детская
литература», 1948

Содержание

О трилогии Германа Матвеева	6
ТАЙНАЯ СХВАТКА	7
1. СТРАННАЯ НАХОДКА	7
2. НА СУДНЕ	11
3. ПОИСКИ СЛЕДОВ	19
4. ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ	23
5. ВЕЧЕР НЕОЖИДАННОСТЕЙ	31
6. РАЗГОВОР В ТЕМНОТЕ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Г. И. Матвеев.

1904—1961

Герман Иванович Матвеев

Тайная схватка

© Матвеев Г. И., наследники, 1948

© Кочергин Н. М., наследники, рисунки, 1948

© Третьяков В. Н., рисунки на переплете, 2010

© Оформление серии, предисловие, примечания. ОАО «Издательство «Детская литература», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

О трилогии Германа Матвеева

Нередко, когда прочтешь увлекательную книгу, задаешься вопросом: какова дальнейшая судьба полюбившихся героев? Именно из-за такого читательского любопытства особой популярностью у детей и подростков пользуются книги с продолжением, которые затем объединяются в дилогии, трилогии и даже целые серии.

Все мы прекрасно знаем и любим замечательную трилогию Анатолия Рыбакова «Кортик» (1948), «Бронзовая птица» (1956) и «Выстрел» (1975) о приключениях арбатского мальчика Миши Полякова и его друзей. В этих повестях ребята разгадывают тайны старинного кортика и бронзовой птицы, охраняющей секреты графского наследства, помогают раскрыть таинственное убийство инженера Зимина.

Но не менее увлекательна и интересна другая приключенческая трилогия – «Зеленые цепочки», «Тайная схватка» и «Тарантул» – о ленинградских мальчишках, во время Великой Отечественной войны участвующих в работе контрразведки, – созданная детским писателем, драматургом Германом Матвеевым (1904–1961).

Ее первая часть, повесть «Зеленые цепочки», вышла летом 1945 года в ленинградском отделении Детгиза (так в то время называлось издательство «Детская литература»).

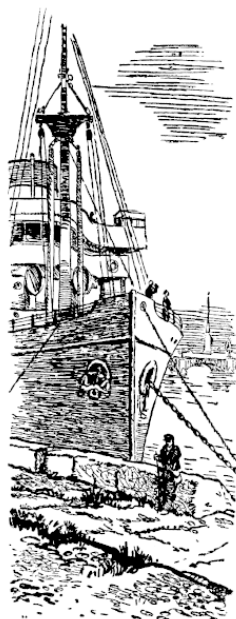
1941-й год. Вокруг Ленинграда сжимается кольцо блокады. Фашистские захватчики пытаются прорвать оборону и взять город. Во время артиллерийских налетов в ленинградское небо неожиданно взмывают зеленые ракеты, которыми вражеские пособники указывают цели для бомбежек – важные объекты города.

Главный герой, Миша Алексеев, в этих тяжелейших условиях оказался без родителей – отец на фронте, мать погибла во время обстрела, – да еще с маленькой сестренкой на руках. Перед ним возникает суровая необходимость как-то добывать деньги на еду и одежду. От безысходности он решается на кражу и попадает в милицию. Майор государственной безопасности поручает Мише собрать группу надежных ребят и установить посты на улицах в своем районе, чтобы обнаружить человека, пускающего ракеты, проследить за ним, узнать его местожительство, выяснить, с кем он встречается. Такое важное задание просто не могло не понравиться мальчишкам!

Команда из пяти надежных и проверенных друзей стала добросовестно дежурить, и в конце концов им удалось задержать одного из ракетчиков. Его поимка позволила выйти на след банды диверсантов. Постепенно, один за другим были арестованы все члены «круга однорукого», захвачены радиопередатчик, оружие, шифры, чемоданы с ракетами и минами замедленного действия. Ребята принимали в этой операции самое непосредственное участие.

Через три года, в 1948 году, было напечатано продолжение этой повести – «Тайная схватка», которую вы сейчас держите в руках. А в 1957 году вышла в свет завершающая третья книга – «Тарантул», давшая впоследствии название всей трилогии.

ТАЙНАЯ СХВАТКА

1. СТРАННАЯ НАХОДКА

Трамвай переехал мост и затормозил на остановке. В наступившей тишине пассажиры услышали далекий пушечный выстрел, вслед за ним свист и сильный удар. Второй... Третий... Сидевшие в вагоне девушки переглянулись, а пожилая женщина медленно согнулась и закрыла лицо руками.

– Катя, закройся! Ударит рядом – стеклами глаза попортит, – сказала она дочери, сидевшей напротив.

Где-то недалеко от остановки уличный репродуктор передавал музыку. После третьего разрыва он поперхнулся, и вместо женского сопрано раздался мужской голос:

«Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улице прекратить! Населению укрыться!»

Новый снаряд ударил совсем близко. Трамвай, точно в испуге, рванулся с места и полным ходом пошел вперед.

– Ой, девочки, мне осколок в карман прилетел! – пошутила Катя.

Анна Васильевна строго взглянула на дочь.

– Со смертью не шутят, Катя, – сказала она и снова закрыла лицо руками.

Трамвай без остановок дошел до Песочной улицы. Здесь был уже другой район и радио по-прежнему передавало музыку. Разрывы сюда доносились глухо и скоро совсем прекратились. В ответ заговорили другие пушки.

– Это наши?

– Наши. Засекли, наверное.

Анна Васильевна выпрямилась и стала смотреть в окно.

Какой это был оживленный и людный проспект перед войной! А сейчас... Три пассажира неторопливо вошли в вагон. По тротуару проходили одинокие пешеходы. После страшной зимы 1941/42 года, похоронив погибших от голода, отослав на Большую землю женщин с

детьми, стариков, инвалидов, Ленинград стал малолюдным, но более организованным. Город готовился к решительной схватке.

Анна Васильевна ехала со своей бригадой на окраину города разбирать на дрова деревянный дом. На конечной остановке все вышли и направились по дороге к заливу. Навстречу изредка попадались нагруженные вещами или досками и бревнами грузовики. На досках сидели перепачканные известкой женщины. Доски были оклеены обоями всевозможных цветов.

Навстречу этим машинам группами шли люди с ломами, пилами и топорами.

Начинался второй год блокады, и Ленинград запасался топливом.

На повороте Анна Васильевна услышала звуки рояля. Кто-то неумело и наспех сыграл «чижика», затем провел пальцем по всем клавишам, от самой низкой до самой высокой ноты. Через несколько секунд «музыкант» снова перебрал все клавиши, но уже в обратном порядке. Свернув за угол, Анна Васильевна увидела в нескольких шагах от дороги пианино, выставленное из разломанного дома, и редкий пешеход удерживался от того, чтобы не свернуть в сторону и на ходу не провести пальцем по всем клавишам.

Многие дома были уже сломаны. Бесхозные вещи аккуратно складывались тут же, около дороги. Книжки, кастрюльки, рваная обувь, ведра, фотокарточки, чернильницы, бутылки, примусы, лампы, картины... Чего-чего только тут не было!

В конце улицы бригаду встретил управхоз^{*1}. Проверив ордер, он указал на высокий дом с мезонином.

– Вот этот. Вы, девушки, железо на крыше не очень рвите. Железо новое, еще понадобится.

– Железо нам не нужно, не увезем. А там никто не живет? – спросила Анна Васильевна.

– В доме никого нет. А вещички выставляйте поаккуратнее и поближе к дороге. Удобнее будет грузить. Все надо сохранить, – продолжал свои наставления управхоз. Он снял фуражку, почесал за ухом и горько добавил: – Все мои домики скоро растащат, одни печки останутся... Одно название, что управхоз.

Бригада направилась к дому. Солнце поднялось уже высоко. До прихода машины нужно было успеть наломать досок, а еще ничего не было сделано. Обошли дом кругом. Обе двери были заколочены поперек досками. Пока двое возились с парадной дверью, Катя подошла к черному ходу, поднялась на крыльцо, ухватилась за доску и что было силы рванула ее на себя. Доска казалась прибитой, но отскочила так легко, что девушка свалилась с крыльца.

¹ Слова и выражения, отмеченные знаком *, объясняются в примечаниях в конце книги, с. 231–235.

В доме стояли хорошие вещи: стол, шкаф, буфет, стулья из темного дуба, кровать никелированная. На стенах висели гравюры под стеклом.

Открыв шкаф, Катя увидела висевший там мужской макинтош*. В карманах она нашла паспорт, записную книжку и стеклянную ампулу с прозрачными кристаллами. Девушка передала находку матери.

– Совсем еще молодой, – сказала она, разглядывая фотокарточку на паспорте. – Наверно, умер.

– Надо управхозу отдать. Все-таки документы.

Анна Васильевна перелистала записную книжку, надеясь найти какие-нибудь записки, но книжка была новая, с совершенно чистыми страницами. Она бросила ее на подоконник, паспорт спрятала в карман, а ампулу с кристаллами сунула обратно в макинтош.

Работа закипела. Вещи аккуратно выносили из дома и ставили их, как просил управхоз, у самой дороги. Через час с вещами покончили, и девушки полезли на крышу.

Анна Васильевна еще раз обошла пустые комнаты, чтобы проверить, не осталось ли там чего-нибудь ценного. Проходя мимо окна, она случайно взглянула на брошенную записную книжку и, к своему удивлению, заметила, что на открытых страницах появились какие-то буквы. Они едва наметились, и прочитать слова было трудно.

– Катя! – крикнула она. – Поди сюда!

Когда девушка вошла, Анна Васильевна показала ей книжку.

– Тут что-нибудь было написано?

– Нет. Книжка новая.

– Посмотри-ка...

Девушка долго разглядывала страницу, на которой появились таинственные буквы. Неожиданная догадка мелькнула у нее в голове.

– Книжка лежала здесь, на подоконнике?

– Да.

– Это, наверно, от солнца.

– Что от солнца? – переспросила мать.

– Это особыми чернилами написано, которые на свету проявляются. Как фотобумага.

Выйдем-ка на улицу...

Они вышли из дома и направились к вещам, сложенным у дороги. Здесь Катя расправила страницу, перегнула корешок, чтобы книжка не закрылась, и положила ее на освещенный солнцем стол.

– Пускай полежит. Посмотрим, что будет потом.

Самым трудным было снять железо с крыши. Дальше дело пошло лучше. Девушки вошли в азарт. Доски одна за другой летели вниз, сопровождаемые веселыми криками.

К пяти часам, когда пришел грузовик, половина дома была уже разобрана.

Анна Васильевна сильно устала и решила отдохнуть, пока бригада занималась погрузкой машины. Подойдя к выставленным вещам, она вспомнила про записную книжку. Стол, на котором та лежала, был уже в тени, но буквы успели выступить. Теперь они были уже значительно отчетливее и темнее, и Анне Васильевне удалось прочесть в конце слово «аммиак», а выше – цифры 3×18 . Что означали эти цифры и какое к ним имел отношение аммиак, она, конечно, не поняла, но сильно встревожилась. Спрятав книжку в карман, где лежал найденный паспорт, она подозвала дочь.

– Катя, где эта трубочка, которая была в макинтоше?

– Там и осталась.

– Дай-ка ее сюда. И никому не говори про нашу находку.

– А где книжка?

– Дома посмотришь.

Катя принесла ампулу и передала ее матери.

Нагруженная машина ушла, захватив половину бригады. Остальные пешком направились к трамваю.

Всю дорогу Анна Васильевна размышляла о странной находке. Может быть, тут ничего и не было опасного, в мирное время она не обратила бы на это никакого внимания, но сейчас ей было тревожно.

2. НА СУДНЕ

Малейшее движение в порту вызывало со стороны немцев ожесточенный артиллерийский обстрел. Снаряды всех калибров летели через залив, рвались на берегу, в воде. Все, что могло гореть, было давно сожжено, остальное разрушено, и все-таки немцы видели, что жизнь в порту не замерла.

На палубе пожарно-спасательного судна сидели на корточках двое: старик, работавший на судне машинистом, и мальчик. Они разбирали испорченный осколком снаряда насос. Мальчик, зажав насос между колен, старался удержать его в одном положении, а старик отвинчивал гайку.

– Ну, опять мешок прорвался! Посыпалось!.. – проворчал старик. – А ты не боишься, паренек?

Мальчик посмотрел на машиниста и улыбнулся.

– Ты думаешь, они только в порт и стреляют? У нас на Петроградской бывает и почище, – сказал он.

Наконец гайка была отвернута и клапан вытащен. Снизу поднялся Николай Васильевич с мешком, в котором бряцали железные части машины.

– Разобрали? Так. Товарищ Замятин, сломанные детали я возьму с собой. Сейчас тут ничего не сделать. А ты, товарищ Замятин, пока протри машину и смажь... Устал, Миша?

– Нет, ничего.

– Поедем домой.

Они перешли к борту и спустились на маленький буксир, стоявший рядом.

Николай Васильевич ушел в будку, а Миша устроился на носу. Скоро звякнули сигналы, забурлила вода и буксир тронулся.

* * *

В центре города, между Литейным и Кировским мостами*, у набережной укрылось большое торговое судно. Уже свыше года стояло оно прикованным к гранитной стенке, без движения, без признаков жизни. Не слышно было на палубе выкриков команды, не скрипели лебедки, и только изредка по дыму из трубы можно было догадаться, что судно дышит, что жизнь в нем не угасла совсем.

Обязанности капитана на судне выполнял старший механик Николай Васильевич. Команда состояла из пяти человек: три машиниста, матрос, он же повар и артельщик, да юнга, Миша Алексеев.

Пройдя под Кировским мостом, буксир повернул. Миша с гордостью смотрел на свое громадное и красивое судно.

В тяжелые дни первой блокадной зимы он нашел себе покровителя, Николая Васильевича, принявшего участие в судьбе умного, смелого мальчика. Миша ценил внимание этого образованного человека и под его руководством упорно учился.

Сейчас они возвращались с задания, на которое были направлены еще утром, сразу же после повреждения снарядом пожарно-спасательного судна. Повреждение оказалось серьезным: пострадала машина. Они провозились с ней целый день, но исправить на месте своими силами не смогли. Надо было некоторые поломанные детали починить в мастерской или передать на завод.

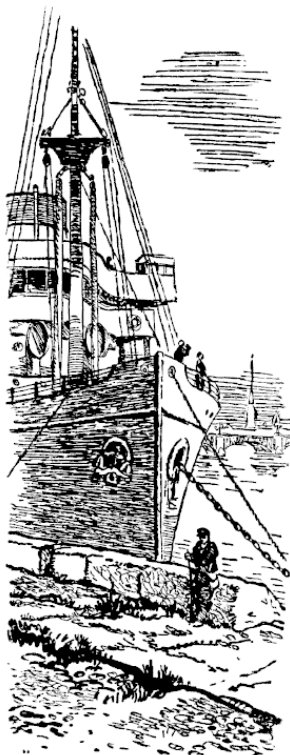
– Ну, теперь ты можешь отдыхать, – сказал Николай Васильевич, когда буксир причалил. – Детали в мастерскую я передам сам.

– А завтра поедем собирать? – спросил Миша.

– Завтра не успеть. Дня через два. Работа сложная.

Механик ушел вниз, а мальчик остался наверху. Он не хотел показать своей усталости.

– Эй, адмирал! Видел шлюпку у левого борта? – крикнул стоявший на вахте машинист Сысоев.

Миша повернул голову, презрительно поджал губы, но ничего не ответил. Он чувствовал, что Сысоев заговаривает и всячески подлаживается к нему, чтобы восстановить хорошие отношения, которые так неосторожно испортил.

Сысоев, веселый и бывалый моряк, не прочь был при удобном случае подшутить над простаком. И Миша по неопытности два раза попался самым глупейшим образом.

Однажды, вскоре после прихода мальчика на судно, Сысоев принес кувалду и серьезно сказал будущему механику:

– Эх ты, морячок!

У тебя кнехты выпирают, а ты и не видишь. На-ка, осади их назад.

Миша взял кувалду и с растерянным видом начал оглядываться кругом.

– Чего головой крутишь? Не знаешь, что такое кнехты? А еще моряк! Я когда в пленках был, все морские названия изучил. Вон швартовые кнехты. Видишь, как их выперло? – Он показал на большие чугунные тумбы, за которые закреплялись швартовые концы.

Действительно, они несколько возвышались над палубой. Не подозревая подвоха, Миша старательно принялся за дело и изо всей силы начал бить кувалдой по макушке тумбы.

Грохот ударов заполнил все судно. Встревоженные люди побросали работу и поднялись на палубу. Увидев, как Миша старательно колотил по кнехтам, принялись хохотать.

Этот случай мальчик простил Сысоеву, потому что о нем ничего не знал Николай Васильевич. Вторая шутка Сысоева надолго испортила их отношения...

Последнее время среди команды были разговоры, что судно должны перевести в другое место. Немцы пристреливались к мостам, и все недолеты угрожали попаданием в корабль. Воспользовавшись этими слухами, Сысоев опять подшутил над Мишей.

– Сегодня ночью поднимемся вверх по Неве и станем на якорь, – сказал он юнге. – Старший механик велел тебе наточить якорь. Возьми пилу и наточи. Понял? Ну большой напильник.

Миша относился к Николаю Васильевичу с таким почтением, что сейчас же побежал выполнять распоряжение.

Громадный чугунный якорь плохо поддавался обработке. Миша не замечал, что за его спиной из дверей выглядывают машинисты и трясутся от беззвучного смеха. Как раз в это время на судно вернулся старший механик и, поднявшись на палубу, увидел, как добросовестно Миша скоблил громадные лапы якоря.

– Миша, что ты делаешь? – с удивлением спросил он.

Мальчик вытер со лба пот и с улыбкой сказал:

– Точу якорь, Николай Васильевич. Как вы велели.

– Якорь не точат, Миша. Это кто-то подшутил над тобой.

Механик оглянулся и, заметив Сысоева, покачал головой:

– Несolidно, Сысоев.

Мальчик простил бы машинисту и более грубую шутку, если бы не оказался смешным в глазах своего учителя, и Сысоев понял, что Миша смертельно обиделся на него. Будучи неплохим и добродушным по натуре человеком, он всячески старался теперь загладить свою вину. Шлюпка у левого борта была им поймана на Неве и предназначалась в подарок Мише.

– Адмирал! Слышишь, что я сказал? – повторил он вопрос и, не дождавшись ответа, продолжал: – Ты, как кисейная барышня, губки надул. Пойдешь в плавание – достанется тебе. В море не любят таких обидчивых.

– А я и не обиделся. Просто не хочу с тобой разговаривать – и всё.

– Что значит: «не хочу разговаривать»? Я твой ближайший начальник, и ты должен меня слушать.

– Если бы ты дело говорил, а то... шлюпка.

– А это разве не дело? Пойдем на ней рыбу ловить. А если захочешь с приятелями покататься, можешь пользоваться.

– А весла где? – спросил Миша.

– Весла за трубой.

Шлюпку мальчик заметил еще утром, когда уходил в порт, и знал, что ее поймал Сысоев, но сам он ни за что бы не попросил ее у Сысоева, как бы ему ни захотелось покататься.

Сысоев сел неподалеку на бухту каната* и стал закручивать сигарку.

– Эх, матрац моей бабушки!

Так называли табак – махорку, смешанную с листьями клена, дуба, которую выпускала табачная фабрика во время блокады.

Некоторое время молчали, глядя в разные стороны. Сысоев смотрел на набережную, а Миша – на противоположный берег, где стояли подводные лодки, корпуса недостроенных кораблей.

Один из громадных корпусов перекрывал низкое здание Медицинской академии, над которой, как раз посередине, возвышалась верхушка дымящейся заводской трубы. Мише казалось, что завод укрылся внутри стального корпуса и теперь никакой снаряд его не достанет. Он взглянул за мост, и опять на глаза попались дымившие трубы заводов. Выборгская сторона, несмотря на обстрелы и бомбежки, напряженно работала.

– К старшему механику брат идет, – сказал машинист.

– Где?

– А вон... Видишь, переходит через мостик у Летнего сада.

Миша сразу узнал знакомую фигуру майора и торопливо подтянул пояс, расправил гимнастерку. Он не видел майора с весны, когда поступил на судно, и очень обрадовался старому

знакомому. Особенно приятно было, что майор, приближаясь к судну, узнал Мишу, приветливо улыбнулся и, поднявшись по трапу, дружески пожал ему руку.

– Здравствуй, Миша. Как живешь?

– Хорошо живу, товарищ майор.

– Где это ты так перемазался?

– А я только сейчас с работы вернулся. Мы с Николаем Васильевичем в порт ездили.

– Он здесь?

– Здесь. Товарищ старший механик в каюте занимается.

– Ну-ка, пойдём, проводи.

Они направились к каюте старшего механика.

– Много у тебя здесь работы?

– Порядочно...

– Ты мне, может быть, понадобится. Пойдешь?

– Я всегда готов. Опять ракетчиков ловить?

– Нет. Похуже. Ты далеко не уходи.

Иван Васильевич вошел в каюту, а Миша с сильно бьющимся от волнения сердцем сел на ступеньки трапа в конце коридора.

Механик умывался.

– Садись, Ваня. Я сейчас, – сказал он.

Майор устроился на койке. Николай Васильевич вытер руки мохнатым полотенцем, сел напротив майора и хлопнул его по коленке.

– Ну, а теперь здорово! Давно тебя не видел. Как это ты надумал заглянуть?

– По пути зашел.

– По пути? Ты об этом другому рассказывай. Знаю я тебя. Готов об заклад биться, что по делу пришел.

– Ну, пускай по делу.

– Выкладывай.

– Не торопись. Дома часто бываешь?

– Бываю. И тебе не мешало бы, Ваня, заходить. Мать беспокоится, и племянница каждый раз спрашивает.

– Очень занят, Коля. Положение на фронте напряженное. Немцы подтягивают силы, собираются Ленинград штурмовать.

– Н-да... чувствуется. А как под Сталинградом? Тебе больше известно.

– Под Сталинградом трудно. Но все-таки... Нашла коса на камень.

– Не сдадим?

– Нет.

– Думаешь?

– Уверен.

Братья с минуту помолчали.

– Ты Алексеевым доволен? – неожиданно спросил майор.

– Каким Алексеевым?.. Ах, Мишей! Ничего, хороший паренек.

– Сильно он занят?

– Да как тебе сказать... Работы, конечно, много. Дров напилить, в машине прибрать. Вахту несет. Беру с собой на аварийные вызовы... Меня частенько дергают.

– Ты к нему за это время присмотрелся. Ничего такого не замечал?

– А что? – встревожился механик. – Тебе известно что-нибудь?

– Нет, наоборот, я тебя спрашиваю.

– Парень любознательный, с волевым характером. Упорный.

– Хочу я одно дело ему поручить. Как ты считаешь, можно?

- Я бы доверил. Мальчишка серьезный, надежный.
- Ну, вот и дело мое все, – удовлетворенно сказал майор, вставая.
- А может быть, ты чаю со мной выпьешь? – предложил Николай Васильевич.
- Выпью, – согласился майор, подсаживаясь к столику.

Николай Васильевич достал из шкафчика стакан, налил из чайника крепкого чая и поставил перед братом.

- Расскажи что-нибудь интересное. Ты же с головы до пят набит интересными историями.

Иван Васильевич внимательно посмотрел на брата, словно оценивая его шутку, не спеша достал из кармана записную книжку и положил ее на стол.

- Пожалуй, тебе расскажу, но по секрету, – начал он вполголоса. – Тут можно говорить?
- Ну конечно, – сказал механик, прихлопнув дверь.
- Кстати, ты одно время химией увлекался.
- Был грех.
- Может быть, и пригодится сейчас.
- При чем тут химия?

– А вот слушай. В одном доме, намеченном к слому, где никто не проживает, нашли записную книжку, паспорт и ампулу с симпатическими чернилами* в кристаллах. Нашли случайно, когда выносили мебель. В шкафу висел бесхозный макинтош, а в кармане вот эта книжечка. Прочитай. Написано это было бесцветными чернилами и случайно проявилось на солнце.

Механик взял книжку и без труда разобрал: «Первый час штурма парализовать район по карте 3 × 18. Содействовать панике сигналами. Задачу решит аммиак». Прочитав, он с недоумением посмотрел на брата.

- Ну, дальше?
- А дальше ничего. На этом и заканчивается рассказ. Дальше нужно разгадывать.
- А что это за район по карте 3 × 18?
- Карт много. На одной из карт в этом квадрате находится Московский район.
- А ты как думаешь?
- Я как раз и думаю, что это Московский район. Он на линии фронта; там две шоссе-ные дороги. Но ты начал не с того конца. Попробуй разобрать запись, ты же любишь всякие ребусы решать. А немцы задумали хитрую штуку...

– Подожди, Иван, – перебил механик. – Я ведь знаю тебя. Ты много хитрых штук распутывал, а рассказывал всегда только потом. Сегодня у тебя необычный ход. Говори прямо: чем я тебе тут полезен?

– Чем? – переспросил майор и, прищурившись, опять внимательно посмотрел на брата. – Ты человек технический, химию знаешь. Это дело очень спешное, а я тебе доверяю.

– Понятно. Тебе консультант нужен. Технический эксперт. Ну что ж, согласен. Теперь говори.

– Пускай ты будешь называться экспертом... Итак, дом в Старой Деревне*. Раньше там жил бухгалтер одного завода с Выборгской стороны. В конце марта он вместе с семьей эвакуировался на Урал, где и сейчас работает на переброшенном туда заводе. Дом все время стоял заколоченный, и никто там не проживал.

– Как же туда попал макинтош с этими вещами? Может быть, там все-таки кто-нибудь жил?

- Может быть. Черный ход был заколочен доской фиктивно: доска эта легко снималась.

– Это важная деталь. Значит, ясно, что «он» там жил или прятался. Приходил по ночам, и никто его не видел.

– Не спеши! – усмехнулся майор. – Если «он» и жил, то почему «он» оставил свой паспорт и эту записную книжку в макинтоше? Паспорт – это такой документ, который может понадобиться в любой момент, особенно сейчас. Лучше его иметь при себе.

– Это верно, – согласился механик.

– Я сказал тебе все, что связано с этой книжкой.

Майор закурил папиросу и, видя, что брат сильно заинтересовался, приготовился слушать его предположения.

– Очень может быть, что «он» был в этом доме и нарочно оставил макинтош в шкафу, – начал неторопливо рассуждать механик, держа перед собой записную книжку. – Зачем? Кто-то должен был прийти и взять макинтош. Вместе с паспортом и книжкой. Так? Очень возможный вариант. А не проще ли было передать эти документы с рук на руки?

– Согласен, – кивнул майор.

– Значит, эта догадка, что макинтош был оставлен с целью передать его другому лицу, может быть правдоподобна только в том случае, если этого второго лица в городе нет и они не могут встретиться. Вероятно, это так и есть. Если внимательно прочитать запись... Не показалось ли тебе, что она написана в тоне приказа? Словно это выписка из приказа?

– Согласен.

– Значит, это первое лицо оставило приказание в условленном месте второму лицу и уехало. Так... Но зачем тут паспорт?

Майор слушал молча. Механик задумчиво продолжал:

– Этому человеку нужен ленинградский паспорт, с ленинградской пропиской. Впрочем, я заскакиваю вперед. Будем разбирать по порядку. Значит, в записной книжке оставлено приказание, и заметь, оно написано на русском языке, – подчеркивая последнюю фразу, продолжал механик. – Русский язык... Приказание отдавалось русскому человеку, иначе говоря, предателю. Где этот паспорт?

Майор молча вынул из кармана паспорт и передал брату. Тот быстро его раскрыл и, ткнув пальцем в фотокарточку, сказал:

– Вот его физиономия.

– Да, – согласился майор. – Посмотри и запомни. Вдруг случайно встретишься. Знай, что это враг. Фамилию можно вписать какую угодно, но физиономия должна быть похожа.

Пока механик разглядывал паспорт, майор выглянул за дверь. В конце коридора, на ступеньке трапа, терпеливо ожидал мальчик.

– Это Миша?

– Я, товарищ майор.

– Ну хорошо. Сиди пока. Я скоро закончу.

– Теперь попробуем разобрать записку или, другими словами, приказ, – продолжал механик. – Первая фраза: «Первый час штурма парализовать район по карте 3 × 18». Понятно. Предатель внутри должен парализовать район, допустим Московский, как ты сказал. Как парализовать? Вторая фраза объясняет: «Содействовать панике сигналами». Следовательно, они собираются создать панику. Да! Паника – это серьезная неприятность, и паникой можно парализовать оборону. Но для того чтобы сейчас вызвать панику среди ленинградцев, надо что-то из ряда вон выходящее. Обстрелы, бомбежки, пожары – к таким штукам мы привыкли, и они никого не пугают. Третья фраза объясняет очень многое. «Задачу решит аммиак». Что такое аммиак? Газ. Значит, газовая тревога. Значит, паника, как рассчитывают они. Панике они содействуют сигналами. Какими сигналами? Вероятно, сигналами химической тревоги. Я лично допускаю, что при газовой тревоге будет некоторая растерянность... Значит, немцы собираются пустить газ?

– Собираются применить газ, – поправил майор брата.

– Пускай так: применить газ, – повторил механик. – Иначе не только паники, но даже и растерянности, даже простого замешательства они не вызовут в городе. Ты согласен со мной?

– Что ж, думаю, что и Шерлок Холмс сказал бы не больше.

– Ну а ты? Меня интересуют твои предположения.

Майор улыбнулся.

– Я по старой привычке промолчу. Поговорим лучше о твоём предположении. Ты остановился на самом главном. В чем, собственно, загадка? Если они хотят создать газовую атаку, то при чем тут аммиак? Аммиак – это слишком легкий и безвредный газ. Снарядами невозможно создать густой концентрации. Баллоны? Но ведь их нужно подвезти в большом количестве, если враги намерены создать панику и парализовать целый район. Вот в чем загадка.

– Н-да... Это загадка.

– А что ты еще можешь понять из этой записки?

– Ну что еще? – Механик снова принялся разглядывать записку. – Ну, совершенно ясно, что этот план выполняется не одним человеком. Кто-то должен содействовать сигналами. Это раз. Получивший этот приказ уже в курсе дела и заранее проинструктирован. Иначе ему пришлось бы ломать голову над этой запиской, как и мне. Два. Предатель, вероятно, связан с немцами регулярно, потому что ему должны сообщить о часе штурма дополнительно. Может быть, эта связь осуществляется по радио? Три. Ну, что еще? Хватит с меня.

– Все, что ты говорил сейчас, может быть, и интересно, но ты не ответил на главный вопрос: при чем тут аммиак?

Николай Васильевич задумался и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Ваня! Над чем же мы битый час голову ломали? Ведь приказ этот теперь уже не дойдет по назначению. Значит, и выполнять его никто не будет...

Майор улыбнулся. Потом серьезно сказал:

– Боевые приказы дублируются по многим каналам. И он уже получен, Коля. Не радуйся. Он посмотрел на часы и прибавил:

– Ну, мне пора. Отпусти со мной на несколько дней Алексева.

– А что он будет делать?

– Я хочу дать ребятам одно небольшое поручение, ну а Алексеев умеет воздействовать на своих приятелей. Признанный вожак.

– Ну что ж, возьми, но только не сбивай его с толку своими историями. Мальчишку в море тянет. Из него хороший моряк выйдет. Не рассказывал он тебе, как якорь точил?

– Нет, ничего не говорил.

– Ну и не спрашивай. Разобидится. Подшутили тут над ним.

– Так если что-нибудь надумаешь, Коля, позвони. Я вижу, тебя заинтересовала задача. Вопрос очень срочный. Немцы готовятся к штурму.

– Да, задал ты мне загадку. Значит, опять ночь не спать. Ты бы все-таки специалистов-химиков спросил.

– Спрашивал и получил целую научную диссертацию об аммиаке, но загадка осталась не разгадана. У меня ум за разум заходит из-за этого аммиака, – сказал он, поднимаясь. – Решение где-то совсем близко, а не поймешь. Вроде «лошадиной фамилии» получается*.

Иван Васильевич крепко пожал руку брата и вышел из каюты.

При виде выходящего майора Миша, по-прежнему сидевший на ступеньке, встал и вопросительно уставился на него.

– Ну, Миша, собирайся. Начальство отпустило тебя на берег.

– Надолго?

– Пока дело не сделаешь, – сказал механик, выходя вслед за братом из каюты. – Отметься у вахтенного, а за продуктами придешь. Я распоряжусь.

– У тебя пальто есть? – спросил майор Мишу.

- Есть. А что еще с собой брать?
 - Больше ничего не надо. Беги надевай пальто и догоняй меня.
- Миша со всех ног бросился в кубрик*.

3. ПОИСКИ СЛЕДОВ

Всю зиму 1941/42 года ждали весну, и она пришла. Под лучами солнца земля проснулась...

Едва держась на ногах от цинги*, ленинградцы ходили по скверам, собирали съедобные травы. Качаясь от слабости, уходили в поисках зелени за город. Как только прогрелась земля, все взялись за лопаты. На площадях, на бульварах, в садах, во дворах – всюду были вскопаны огородные грядки.

Настало лето, и буйная зелень покрыла огороды.

У Миши Алексеева на Марсовом поле были две грядки, засеянные морковью для сестренки, которая жила в детском саду. То, что Мише приходилось опекать свою младшую сестру, сильно изменило его характер и отличало от других подростков. Он не подражал взрослым, а делал все по-своему и, странно, от этого казался самостоятельнее своих сверстников. И ребята, помимо своей воли, подчинялись Мише. Они не понимали, что жизнь поставила его в условия, благодаря которым он стал думать и поступать как взрослый, самостоятельный человек.

Сейчас Миша шел со своего огорода к сестре с пучком моркови в руках. Проходя по улицам, Миша наблюдал и размышлял. Всюду – у домов, во дворах, в сквериках – огороды. Кровати, сетки, связанные между собой проволокой, образовали причудливые палисадники.

«Сколько кроватей! Откуда их столько натаскали? – думал мальчик. – Год назад на этих кроватях спали люди».

Он вспомнил свою мать, убитую на заводе во время бомбежки. Теперь ее кровать тоже никому не нужна.

Дома Миша бывал редко и долго не засиживался. Если бы не надежда на то, что может вернуться с фронта отец, он давно бы бросил комнату и совсем перебрался на судно. Люся устроена и живет в детском саду неплохо, а он после войны уйдет в море, и ничего ему больше не надо.

В детском саду Мишу знали и сейчас же вызвали сестру. Он слышал, как няня кричала: – К Люсе Алексеевой брат пришел! К Люсе, из средней группы.

Девочка постепенно отвыкала от брата. У нее здесь была своя жизнь, свои дела, занятия, подружки. Иногда она прибежала возбужденная, с блестящими глазенками и нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Миша понимал, что ее оторвали от какого-то интересного занятия или игры, и не затягивал свидания. Он внимательно оглядывал ее платье, проводил рукой по стриженным волосам, осматривал ногти и, не найдя ничего, к чему бы можно было придраться, отпускал девочку. Ему почему-то хотелось, чтобы у сестренки были длинные косы. Он купил бы ей тогда красивую ленту и гребенку, но здесь полагалось стричь волосы под машинку.

Люся была в том беззаботном возрасте, когда дети ценят разве только материнскую ласку и любовь, а Миша уже остро чувствовал свое одиночество. И любовь к маленькой сестренке согревала ему душу.

– Люсенька! – сказал Миша, когда сестренка прибежала к нему и по привычке подставила щеку. – Я морковки с твоей грядки принес. Держи. Только ты ее вымой, слышишь?

– Слышу.

– Как вас кормят?

– Хорошо.

– Нас тоже ничего стали кормить. Видишь, как я поправился.

– А у нас от болезней колют, а потом дают конфетку тому, кто не плакал. Я ни разу не плакала! – похвасталась Люся.

– Ну и правильно. Плачут только девчонки, – сказал мальчик, но сейчас же спохватился и поправился: – Девочки плаксивые. А ты у меня молодец.

– Я молодец, – согласилась девочка. – А вчера к Вале папа приходил. У него собака есть. Я гладила.

– Смотри... Она может укусить.

– Она не кусачая.

– Кто ее знает, кусачая или не кусачая... Люся, а у меня лодка есть. Я бы тебя покатал, да тебя не отпустят, пожалуй.

В это время по коридору побежали ребята, и Люся заторопилась. Миша одернул на ней платье, погладил по голове и наставительно сказал:

– Слушайся няню. Дисциплину соблюдай. Если что-нибудь нужно, скажи. Морковку вымой, как приказано.

Он чмокнул сестру в щеку и вышел на улицу.

Вечерело. Время было действовать. Вчера вечером, получив инструкции от майора, он ездил с Бураковым в Старую Деревню и условился обо всем. Сейчас Миша должен был взять своих приятелей и к вечеру быть на месте.

Миша боялся, что не застанет их дома. Ребята работали в каком-то подсобном хозяйстве за городом, на огородах, и часто оставались там ночевать.

Войдя во двор дома, где он жил, Миша три раза свистнул. На свист из открытого окна в четвертом этаже высунулся Степа Панфилов.

– А Васька дома? – крикнул Миша.

– Не знаю, – ответил тот и скрылся.

Миша еще раз заложил пальцы в рот и пронзительно свистнул.

Вася Кожух не откликался и не показывался.

– Как живешь? – спросил Степа, спустившись во двор.

– Живем помаленьку... Ты сильно занят?

– Когда? Сегодня?

– Нет, вообще... на этих днях...

– На огородах работаем... Ты знаешь, Мишка, сколько мы процентов вырабатываем...

– Подожди, – остановил его Миша. – Задание есть.

– Какое задание? – спросил Степа и, не получив ответа, замолчал, зная, что если еще раз спросит, то Миша ответит: «В свое время узнаешь».

– А где Васька? – спросил Миша.

– Наверно, на свой огород с матерью ушел. Она сегодня выходная.

В это время во двор въехала груженная овощами тележка, которую толкал Вася с матерью. Снимая мешки и смахивая со лба капельки пота, Вася возмущенно рассказывал приятелям:

– Воруют, понимаешь, на огороде! Капусты срезали кочнов двадцать. Самые лучшие!

Взвалив на плечи по мешку, ребята за два раза подняли все овощи на пятый этаж, в квартиру Кожухов.

Через час три друга сидели в комнате у Миши и внимательно изучали фотокарточку неизвестного мужчины с прямым носом и тонкими поджатыми губами. Эта фотография была переснята с маленькой карточки из найденного паспорта и увеличена. На другой стороне снимка была надпись: «Виктор Георгиевич Горский. Лет 42».

– Этого человека, – объяснил Миша, – надо караулить. Это вредная контра*, подсланный от немцев шпион.

– А где его надо караулить? – спросил Степа.

– Не забегай! Все объясню.

Миша несколько минут молчал. Терпеливо молчали и его приятели.

– А вдруг он набросится на нас? – не вытерпел Вася. – У него, наверное, и пистолеты, и бомбы при себе...

У Степы от возбуждения заблестели глаза.

– Он нас всех на воздух взорвет, кто тогда расскажет о нем Буракову?

– Да вы что, очумели! – набросился Миша на приятелей. – Нам только и надо, что позвонить по телефону, когда он придет за вещами.

– За какими вещами?

– А вы не перебивайте, а слушайте! – рассердился Миша. – Все расскажу по порядку. Сначала смотрите карточку!

– Интересно, какого цвета у него глаза? – спросил Вася, разглядывая фотографию.

– А леший их знает, какого они цвета. Придет, тогда и посмотрим. Наша задача, ребята, такая. В Старой Деревне был дом, куда он должен приехать за вещами. Дом сломали на дрова. Вот, наверно, он и будет искать и спрашивать вещи, а мы тут как тут. Товарищ майор все объяснил. Вещи сданы управхозу, и, если он будет про них спрашивать, показать, где управхоз живет, а еще лучше проводить кому-нибудь, а тем временем по телефону сообщить. Понятно? Мы там будем огород сторожить.

– А где управхоз? – спросил Степа.

– погоди, не торопись, – с досадой сказал Миша. – Морду запомнили?

– Запомнили.

Миша положил фотографию в бумажник и спрятал в карман.

– Сейчас идите домой, возьмите хлеба, оденьтесь потеплее, и поехали. Там ночевать придется. Понятно? Языком не болтать! – на всякий случай предупредил он, хотя и был уверен в своих друзьях.

Через несколько минут ребята были готовы и шагали к трамвайной остановке.

Долго ожидать трамвая не пришлось, и вскоре они уже ехали в сторону Старой Деревни.

Ехали долго. Несколько раз начинался артиллерийский обстрел, и поневоле приходилось выходить из трамвая и укрываться в убежищах.

Добрались до места уже к концу дня.

Разыскали наполовину разломанный дом, о котором Мише обстоятельно рассказал Бураков. Обошли дом кругом и внимательно осмотрели.

Потом нашли управхоза, и тот разрешил взять во временное пользование несколько досок.

Приятель устроили из досок шалаш и забрались в него, прислушиваясь к артобстрелу. Через их головы с воем летели снаряды и рвались где-то далеко в стороне.

– Это по Васильевскому бьет, – сказал Степа.

– Нет, ближе. По Крестовскому, – возразил Миша.

Скоро совсем стемнело. Ребята вышли из шалаша и долго стояли, прислушиваясь к установившейся тишине. Далеко на горизонте взлетела ракета и повисла в воздухе. Через несколько минут, когда она потухла, поднялась вторая.

– Видите ракеты? Это на переднем крае.

– Ну?

– Осветительные ракеты, чтобы вылазок не было, – уверенно сказал Миша.

Снова замолчали. Вдруг в стороне послышалось жалобное мяуканье. Ребята насторожились. Мяуканье повторилось.

– Ребята! Кошка!

– Ага! Живая!

Кошка или собака в осажденном Ленинграде были большой редкостью. Не случайно Люся с таким восторгом рассказывала о собаке, которая «не кусачая». Миша понимал сестренку. Он по себе знал, сколько радости в детстве приносит домашнее животное.

– Ребята, поймаем ее, – сказал он, – она бездомная.

– А на что тебе?

– Я Люсе снесу. Пускай живет в детском саду. Там мыши есть.

Ребята осторожно пошли на мяуканье, которое время от времени повторялось. Скоро оно стало раздаваться сзади. Ребята вернулись и нашли блиндаж, построенный в начале войны.

– Кис, кис... – позвал Миша.

Он ошупью спустился вниз и увидел две зеленые блестящие точки. Кошка видела его, и он протянул руку с кусочком хлеба.

– Кис, кис... Иди сюда.

Точки оставались на месте. Миша осторожно пошел вперед. Вдруг он наступил на неустойчиво лежавший кирпич, покачнулся и чуть не упал. Кошка с испуга фыркнула и исчезла. Как ни звали ее ребята, она больше не откликалась.

– Ладно, завтра найдем, – решил Миша. – Она никуда не денется, а ночью все равно ее не поймать. Она уж, наверно, одичала.

4. ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Как только стало светать, продрогшие за ночь ребята развели костер. Горючего материала от разломанных домов было сколько угодно, и сухие щепки, ломаные доски, весело потрескивая, быстро разгорались.

– Эх, сейчас бы под костер картошку в песок! – сказал Миша.

– Где же теперь картошку достанешь? А вот я придумал другое... Посудину бы надо, – сказал Вася и, недолго думая, отправился на поиски посуды.

Скоро среди аккуратно сложенных у дороги вещей он нашел алюминиевую кастрюлю. Миша видел, как Вася прошел к огородам, но останавливать его не стал. Хотелось есть, а в кармане лежали хлеб да две шротовые лепешки. Шроты*, внешним видом напоминавшие древесные опилки, сильно надоели.

Миша видел, как от огородов Вася прошел к Невке и присел на берегу. Степан тем временем принес железный крюк и воткнул его в землю около костра. Вася вернулся с полной кастрюлей начищенной и нарезанной моркови, свеклы, репы и брюквы. Закрыв плотно крышку, он повесил кастрюлю над огнем.

– Тушенка будет – пальчики оближете! Я видал, как мать варила. Век живи – век учись, – говорил Вася, поправляя дрова. – Соли бы да маслица сюда грамм пятьдесят...

– А чем есть? Пальцами? – спросил Степа.

– А ты поищи ложки. Я видел в ведре, около стола.

Степа побежал за ложками. Навстречу ему шел коренастый мужчина с большим пакетом под мышкой. Издали ребята приняли его за управхоза, но, когда он подошел к шалашу, они увидели, что ошиблись.

– Мир вам, и я к вам! – приветливо сказал мужчина, присаживаясь на корточки. – Что вы тут делаете, ребята?

– Огороды караулим. А вы чего в такую рань пришли? – ответил Миша.

– Я рыбу ловить пришел, – насмешливо сказал мужчина. – В мутной воде рыбку ловить.

– А чем вы ее ловить собираетесь? – спросил Вася.

– Руками.

– Ну да...

– Чего ты его слушаешь! Видишь, нашел дураков! – сердито сказал Миша, не любивший шутить с незнакомыми людьми.

– А я думал, вы и верно колюшку ловить собираетесь, – сказал Вася. – Сейчас ее мало. Вот весной она густо идет. Я ловил.

– А разве колюшку едят? – все с той же улыбкой спросил мужчина.

Миша подозрительно покосился на него. Какой это ленинградец, который не знает, что после голодной зимы колюшку ловили и с удовольствием ели.

– Колюшка – хорошая рыба, – пояснил Вася. – Жирная. Ее надо через мясорубку пропустить...

Вернулся Степа с ложками и принялся чистить их песком. Незнакомец молча наблюдал за хлопотами ребят. Вася подкладывал щепки и поминутно поправлял кастрюлю, в которой уже начинала закипать вода.

– Всю ночь тут дежурили, не спали? – спросил мужчина.

– По очереди спали, – ответил Степа.

– Замерзли?

– Нет.

Незнакомец достал часы и, взглянув на них, сказал:

– Рано еще.

При виде часов Миша обомлел. Черные мужские часы с золотым ободком он прекрасно знал. Такие часы имела вся банда однорукого, и предназначались они для мины замедленного действия, или адской машины, как ему объяснил Иван Васильевич. «Что делать? Надо немедленно сообщить майору. Этот пришел неспроста».

– Дяденька, а вы чего так рано пришли? – спросил Миша таким ласковым тоном, что ребята с удивлением посмотрели на него.

– По делу. Я же говорю: рыбу пришел ловить.

– Ну ладно, ловите. Только на огороды не ходите.

– Неужели нельзя одну морковку сорвать?

– Нельзя.

– А как же вы рвете? – кивнув на кастрюлю, спросил мужчина.

Мишу раздражал насмешливый тон незнакомца, но он сдержался и беззаботно ответил:

– Нам можно. Это как плата за то, что мы караулим. Ну как, Вася, не скоро еще?

– Ну что ты! Только-только закипело.

– Я схожу до управхоза. Он велел пораньше его разбудить.

Миша встал и спокойно направился к дороге.

– погоди, Миша! – крикнул незнакомец. – Не надо управхоза будить. Пускай спит. Рано еще.

– То есть как рано? Он велел, как только рассветет.

– Нет. Выдумываешь ты все. Вернись. Это вот вам пакетик.

Мужчина протянул мальчику принесенный пакет. Миша уже начинал догадываться, в чем дело, и вернулся.

– К телефону пошел? – спросил незнакомец.

Миша взял пакет и, все еще не доверяя мужчине, развернул его. В пакете лежала буханка хлеба и продукты, а сверху записка: *С добрым утром! Как дела? И. В.* Теперь все стало понятно. Это была своего рода проверка.

– А я уже хотел к телефону... – сказал Миша, улыбаясь.

– Почему?

– А часы-то у вас какие...

– Молодец! – сказал мужчина. – Мы так и думали, что про часы не забыл. Друзья твои их не видели?

– Нет.

– Пускай посмотрят.

Мужчина достал часы и дал посмотреть их ребятам.

– Запомните эти часы, ребята. Человек с такими часами уже подозрительный. Очень может быть, что вам придется с ними встретиться. У подозрительных людей полезно спрашивать о времени, – объяснял он, пока ребята разглядывали часы.

– Часы обыкновенные, – сказал Вася.

– Ты вот этот ободок запомни, он выпуклый, сразу заметно. Смотри, – сказал Миша, поворачивая часы под разными углами.

Неожиданно из кастрюли вырвался пар, и пена, шипя, полилась на костер. Вася снял крышку.

– Много воды налил. Пускай выкипает, – небрежно пояснил он, как опытный повар.

– Ну, друзья, мне пора уходить, – сказал гость. – У меня тут есть еще дела. Что передать Ивану Васильевичу?

– Привет передайте, – сказал Миша.

– Происшествий не случилось?

– Нет. Все тихо.

– Ну, будьте здоровы.

Мужчина ушел. Ребята развернули пакет. Кроме хлеба в свертке оказались банка консервов, граммов двести конфет и масло.

– Вот и масло для тушенки! – обрадовался Вася.

В отдельном кульке лежала картошка. Майор угадал, что ребята разведут костер, а главного удовольствия – печеной картошки – у них не будет. Миша высыпал картошку около костра, и на душе у него стало противно.

– Вася, смотри...

– Картошка! – восторженно воскликнул «повар». – Ура-а-а!

– Дурак ты, вот что... Иван Васильевич, наверно, думает, что мы чужих овощей не тронем. Он верит нам, а мы что делаем?

– Он не узнает, – несколько смутившись, сказал Вася.

– «Не узнает»! – передразнил его Миша. – Конечно, он и не спросит. А у тебя какая-нибудь совесть есть? Сам вчера на что жаловался? «Вору-уют»... Нехорошо получилось.

– Ну ладно, больше не будем. Нам теперь хватит, – сказал Вася.

Некоторое время молчали, думая каждый о своем. Степа в душе был согласен с Мишей. Конечно, никто не узнает, что они брали чужие овощи, а хозяин этого большого огорода даже не обратит внимания на такую мелочь. Но все-таки получилось нехорошо. Миша прав: дело не в том, что скажут или подумают про них, а дело в них самих.

– Замечательный человек майор. Никогда ничего не забудет, – после минутного раздумья сказал Миша. – И брат у него очень толковый.

В кастрюле кипело и булькало.

– Степа, ты ложки вымой. Сейчас будет готово, – сказал Вася.

Степа сбегал к реке. Когда он вернулся, тушенка с маслом была уже готова, и ребята быстро с ней покончили.

Взошло солнце. На дороге появились одинокие пешеходы и целые бригады с инструментами. Пришла машина за дровами. Сначала ребята напрягали все внимание при виде приближающихся людей, но постепенно привыкли и успокоились. Никого подозрительного не было. Вспомнили про кошку, и Миша со Степой пошли ее разыскивать.

– А ты, Василий, оставайся. И смотри в оба... В случае чего – свисти! – распорядился Миша.

Оставшись один, Вася сходил к Невке, вымыл кастрюлю, набрал чистой воды и, вернувшись к шалашу, принялся чистить картофель для супа, поглядывая по сторонам. Недалеко от него, по другую сторону дороги, женская бригада начала разбирать дом. Над местом работы поднялось большое облако пыли. Какой-то мужчина в сером пальто остановился на дороге и долго смотрел в сторону шалаша.

Вася насторожился, хотя мужчина и не походил на того, который был на фотографии. У этого было широкое лицо, выдающиеся скулы, усы. Мужчина оглянулся кругом, направился к разбиравшим дом женщинам и скоро потерялся из виду. Вася снова занялся картошкой и так увлекся, что не заметил, как к нему подошла женщина.

– Ты что тут делаешь? – раздался голос за спиной.

Вася вздрогнул от неожиданности и оглянулся.

– Видите сами – суп собираюсь варить.

– Это я вижу. А вообще-то зачем ты тут устроился?

– А мы огород караулим.

– Какой огород? – строго спросила она.

«Вот пристала», – подумал мальчик и, чтобы избавиться от женщины, показал рукой на ближайший огород, где он вчера сорвал три брюквы.

– Вот этот...

– Этот? А кто тебя просил? – угрожающе спросила женщина и вдруг закричала: – Вон отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было! Караульщик какой нашелся!

– Тетя! Что вы кричите?

– А то! Это мой огород, потому и кричу. Моментально уходи отсюда!

– Тетя, мы же вам огород караулим. Вы, случайно, не Марья Петровна?

– Я Марья Петровна, – с недоумением сказала женщина.

– Ну вот. Вчера ночью приходила какая-то ваша знакомая за овощами, а мы ее не пустили. Мы сказали, что ваш огород на Невском проспекте находится...

– Врешь!.. Никто ко мне не мог приходиться, – резко перебила она. – Врешь! Убирайся отсюда подобру-поздорову, а не то плохо будет. Слышишь?

Вдруг она увидела на земле брошенную ботву брюквы.

– Это что? Это моя брюква!

– Марья Петровна, почему вы думаете, что это ваша брюква?

– Потому что поблизости ни у кого нет брюквы. Это ты у меня украл!

– Украл!.. А картошку тоже у вас украл? – сказал струхнувший Вася, показывая крупную картофелину.

Это несколько озадачило женщину, так как ни у нее, ни у других на огородах картошки не было.

В это время вернулись приятели с охоты. Миша держал завернутую в какие-то тряпки кошку, а руки Степы были поцарапаны, и он облизывал выступавшую кровь.

– Картошки у меня нет, – продолжала женщина, не обращая внимания на пришедших. – Но это все равно. Никаких мне караульщиков не надо. Уходите отсюда, пока я не взялась за вас. Вот и весь мой сказ.

Она круто повернулась и зашагала к своему огороду. Миша выждал, пока женщина отошла подальше, и мрачно спросил:

– В чем дело?

– Ничего особенного. Увидела ботву и раскричалась: «Не надо мне караульщиков! Вы жулики!»

– Она тебя не побила? – серьезно спросил Миша.

– Нет.

– Жаль. Другой бы на ее месте уши тебе надрал и всех нас в милицию отправил. Еще дешево отделался...

Подошел управхоз.

– Ну как? Всё в порядке, ребята?

– Что в порядке? – спросил Миша.

– Успели по телефону позвонить?

Ребята с недоумением переглянулись.

– Кому позвонить?

– Я не знаю, кому надо было звонить. Паспорт я отдал. Спросил, как полагается, фамилию, имя, год рождения, прописку. Поговорил минут пять и отдал.

Миша почувствовал, как у него остановилось сердце и захватило дыхание.

– Кому отдали?

Управхоз оглянулся и, заметив удалявшуюся по дороге фигуру мужчины в сером пальто, показал на него пальцем.

– А вон тому гражданину.

Миша сунул кошку в руки Степы.

– Держи. Васька, бегом к телефону! Я пойду за ним.

– А суп, значит, не варить? – спросил Вася.

– Какой тут суп! Делай, что сказал! – резко отчеканил Миша. – Потом отправляйтесь домой и ждите.

Он схватил лежавшую на земле кепку и что есть духу бросился за уходящим человеком.

– Решительный молодой человек.

– Он моряк! – с гордостью сказал Степа.

Миша скоро догнал человека в сером пальто и на расстоянии тридцати – сорока метров пошел следом за ним. Мужчина шел неторопливо, останавливаясь на короткое время около разрушенных домов. В одном месте он чем-то заинтересовался, сошел с дороги, обошел вокруг фундамента, заглянул в глубокий подвал и снова зашагал дальше. Увидев на остановке трамвай, незнакомец заторопился.

В вагоне Миша хорошо рассмотрел его. Это был немолодой, крепкий мужчина, с крупными чертами лица, широкими, чуть выдающимися скулами. Когда он снял кепку, мальчик заметил, что черные усы были темнее, чем волосы на голове. Мальчика мало беспокоило, что мужчина совсем не походил на того, что был на фотографии. Главное, что он пришел за паспортом, а значит, имел какое-то отношение к врагам.

Проехали мост, и в вагон вошла большая группа людей, закрыв собой мужчину. Не видя его, Миша заволновался. Таким образом он может не заметить, когда тот выйдет из трамвая. Он протискался ближе к выходу и стал смотреть в окно на выходящих из вагона.

На остановке у Невского народ схлынул из вагона, и Миша с облегчением вздохнул, увидев, что мужчина в сером пальто не вышел и разговаривает со своей соседкой. У Технологического института в вагон снова вошла группа людей с лопатами, кирками, ломami, в перемазанной глиной и мелом одежде и снова закрыла мужчину.

Кто-то толкнул Мишу локтем. Оглянувшись, он встретил взгляд больших голубых глаз.

– Тося, садись. Подвинься, паренек, – сказал женский голос над головой.

Миша подвинулся, и девочка села рядом.

– Варвара Семеновна, зачем ты Тоню с собой взяла? На фронт ведь едем.

– В Ленинграде везде фронт. Пусть помогает. Потом с гордостью вспоминать будет, что Ленинград защищала.

Миша понял, что группа едет на оборонные работы.

Третий номер трамвая шел по Международному проспекту* и немного не доходил до переднего края. Глядя в окно, мальчик видел, что этот район прифронтовой и живет несколько иначе, чем Петроградская сторона. Гражданских людей на улицах было совсем мало, зато военные шли и ехали в разных направлениях. Трамвай обгонял повозки с сеном, дымящиеся походные кухни, грузовик, наполненный буханками хлеба. В окнах первых этажей угловых домов, заделанных кирпичом, чернели узкие щели амбразур. Поперек проспекта в некоторых местах были устроены баррикады с колючей проволокой и треугольными бетонными надолбами. Противотанковые препятствия, в виде распиленных и сваренных кусков рельсов, перегораживали в несколько рядов проспект на перекрестках. Оставлен был только узкий проход для трамваев. Но, несмотря на близость фронта, район жил. Торговали магазины, ларьки. И везде грядки и грядки – с репой, капустой, свеклой, морковью... А между ними – зигзагообразно вырытые окопы.

Взвизгнул снаряд и с оглушительным грохотом разорвался невдалеке. Трамвай затормозил и остановился.

– Выходите, граждане. Вчера попал в вагон, – объясняла кондукторша пассажирам, столпившимся у выхода.

– А с задней площадки можно сходить? Не оштрафуют? – пошутила какая-то девушка.

Второй снаряд разорвался высоко над головой. От неожиданности Миша присел, но сейчас же выпрямился и, не спуская глаз с серого пальто, побежал следом за ним. Третий снаряд ударил впереди.

Начался артиллерийский обстрел района.

Мужчина в сером пальто торопливо свернул под арку большого дома. Миша поспешил за ним, добежал до ворот и заглянул под арку. Там никого не было. Сквозь арку за домом виднелся пустырь. Из здания под арку с обеих сторон выходили двери.

Не обращая внимания на все нарастающий обстрел, Миша вышел на улицу и поискал номер дома. Его не оказалось. Судя по всему, дом был еще не достроен, хотя леса и сняты. Миша заволновался и снова вернулся под арку. Распахнул одну из дверей, заглянул внутрь. Справа наверх вела лестница, но везде лежали кучи строительного мусора, и вряд ли кто-нибудь здесь жил. Миша заглянул в противоположную дверь. Та же картина. Мужчина словно сквозь землю провалился.

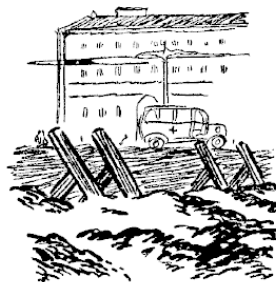

– Тьфу ты, дьявол! – выругался Миша, не зная, что делать дальше.

Майор в таких случаях советовал не пороть горячку, а спокойно обдумать создавшееся положение. «Если он здесь живет, то уже хорошо, что я знаю дом. Если же он тут только спрятался от обстрела, так я об этом узнаю», – решил Миша и перешел на другую сторону улицы, откуда он мог наблюдать за фасадом дома.

Артиллерийская стрельба еще более ожесточилась. В ответ заговорили советские пушки, и минут через двадцать огонь немецких батарей был подавлен. Наступила тишина. Миша насторожился. Укрывшиеся от артобстрела пассажиры возвращались к трамваю. Сейчас должен выйти из укрытия и мужчина в сером пальто. Прошло три минуты, пять минут. Трамвай звякнул и тронулся. Мужчина не появился...

Миша устроился за грудой камней и терпеливо ждал, наблюдая за воротами недостроенного дома.

Время тянулось медленно. С большими перерывами прошли еще два трамвая. С грозным скрежетом, содрогая землю, к фронту промчался тяжелый танк с длинной пушкой, торчащей из башни. Навстречу с пронзительным воем сирены пронесся санитарный автобус. Прошел одинокий пешеход. Незнакомец в сером пальто все не появлялся... Надо было что-то предпринять, и Миша вышел из-за своего укрытия.

5. ВЕЧЕР НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Осенью 1942 года ленинградцы могли уже считать, что страшный голод никогда больше не повторится. Рационное питание в столовых вернуло силы и восстановило здоровье. Аскорбиновая кислота, витамин «С» во всех видах, свежие овощи вылечили от цинги. И все-таки в эти дни еще можно было встретить истощенных людей.

Такого человека встретил Миша, продолжая наблюдать за домом. Он сидел на бревнах, когда высокий тощий человек медленно подошел и устало опустился на бревно.

– Последняя станция. Месяца через два и ее надо проходить без остановки, – требовательно сам себе сказал человек и осторожно поставил около себя сумку с бидончиком и с какими-то аккуратно завязанными пакетами.

Худая шея, острые скулы, провалившиеся щеки человека напомнили Мише минувшую голодную зиму.

– Дядя, а вы не знаете точно, сколько сейчас времени? – спросил Миша, продолжая наблюдать за воротами, в которых скрылся мужчина в сером пальто.

Человек недружелюбно посмотрел на Мишу.

– Точно не знаю. Часов нет. А зачем тебе точное время?

Миша промолчал. Человек жестким тоном добавил:

– Болтаться без дела в твоём возрасте сейчас стыдно!

– Я работаю, дяденька. Я просто жду здесь одного человека...

– А дома кто есть?

– Нет. Один теперь остался. На корабле работаю. Там и живу.

Человек задумался. Потом уже мягко сказал:

– Сколько сейчас таких, без отца и матери. Душа болит, глядя на вас. Смотри не отбивайся от людей, от работы... Пропадешь...

– Вы, дядя, плохо обо мне не думайте. Я не пропаду. Сам работаю и о сестренке забочусь! – гордо сказал Миша.

Человек осторожно достал из сумки пакет и развернул. Там оказался хлебный паек, аккуратно порезанный на тонкие ломтики.

– Хочешь кусочек?

– Нет, дяденька, нет. Я скоро ужинать буду, – торопливо ответил Миша. – Меня кормят хорошо. Я на котловом питании.

– На котловом – это хорошо, – согласился человек и снова бережно завернул пакет.

– Дядя, а вы здешний? – спросил Миша. – Какой там завод?

– Там «Электросила»*.

– А она работает?

– А как же.

– А на другой стороне, у моста? Большой такой дом.

– Это райсовет.

Теперь Миша ориентировался в незнакомом районе и мог легко найти или описать местоположение дома, за которым наблюдал.

– Дядя, а в ту сторону далеко можно ходить?

– У моста пограничный пост. Нужен пропуск.

– Там уже фронт?

– Фронт за мясокомбинатом. Ну, парень, мне надо двигаться. Теперь уже до дома, без остановки.

Миша остался один. Темнело. Необходимо было сообщить майору, где он находится, и Миша отправился искать телефон.

Около здания районного совета всех пассажиров из трамвая высаживали. Имеющие право ехать дальше подходили к железнодорожному мосту, предъявляли пропуска и потом садились в тот же самый трамвай, подъезжавший к воротам, и отправлялись дальше.

Около пограничной будки собралась группа людей. Все они были в замасленной прозодежде* и, видимо, ехали на работу. Командир-пограничник проверял пропуска и, возвращая их владельцам, делал знак рукой красноармейцу, стоявшему у калитки. Эта калитка зеленого цвета, как и весь хрупкий палисадник, загораживающий дорогу, вероятно, была взята от какого-то дома. К палисаднику с обеих сторон примыкали проволочные заграждения.

Около пограничника стояла старуха.

– Пропусти, товарищ, – просила она.

– Нечего тебе там делать, бабка. Там фронт.

– У меня дочка там работает.

– Да где она работает? В трампарке, что ли?

– Нет. В антелерии.

Пограничник улыбнулся.

– Там, бабка, артиллерии много. Где ты ее найдешь?

– Найду, голубчик. Пропусти, пожалуйста.

– Нельзя, бабка. Пропуск надо. А что она в артиллерии делает?

– В санитарном лазарете работает. Две недели дома не была. Не подранили ли ее фашисты проклятые?.. Сердце болит!..

– Не могу я пропустить. Ты сначала узнай, в какой части она работает, и пропуск хлопочи.

В это время с трамвайной остановки подошла новая группа людей, и бабка отошла в сторону, терпеливо ожидая, когда пограничник освободится.

Миша свернул к большому, недавно построенному дому.

Здание районного совета, как и все ленинградские дома в те дни, снаружи казалось необитаемым, но, войдя внутрь, мальчик увидел в коридоре людей. В первой комнате, куда он вошел, за столом сидела девушка в ватнике, а перед ней стоял телефон.

– Разрешите позвонить. Мне надо по очень важному делу, – вежливо обратился к ней Миша.

Девушка подозрительно посмотрела на него и неприветливо сказала:

– По этому телефону звонить нельзя: это дежурный. Иди в соседнюю комнату.

В соседней комнате никого не оказалось. Миша закрыл за собой дверь, снял трубку и набрал номер. Они условились с майором, что если придется звонить, то нужно называть его «дядя Ваня», но, когда он услышал знакомый голос, растерялся, не решаясь обращаться так запросто.

– Аллю! Это вы? Аллю! Аллю!

– Ну, слушаю. Кого нужно?

– Это Михаил Алексеев говорит.

– Понял. Племянничек нашелся. Где ты находишься?

– Я из райсовета звоню.

– Какого района?

– Не знаю. Знаю, что на «тройке» приехал. Тут фронт близко. Пограничники пропуска проверяют. Завод «Электросила» недалеко.

– Московский райсовет. Дальше.

– Вам Васька звонил?

– Звонил. Где тот человек, за которым ты уехал?

– Спрятался от обстрела в один дом и пропал. Или не выходит, что ли.

– Дом ты запомнил?

– Запомнил. Там никто не живет. Я все время смотрел. А сейчас темно стало.

– Ну молодец. Сделаем так: жди около райсовета, я скоро приеду.

– Есть! – обрадовался Миша и повесил трубку.

Поблагодарив девушку за разрешение позвонить, он вышел на улицу. Уже смеркалось, и на небе появились первые звезды. Миша прошел к трамвайной остановке, но, сообразив, что Иван Васильевич может приехать на машине, вернулся назад и сел на крыльцо. Когда шум трамвая затихал и поблизости не пробегали автомобили, Миша слышал одиночные выстрелы винтовок и пулеметные очереди с передовой линии.

С дороги свернула груженная ручная тележка, которую с трудом толкали две женщины.

– Иди, Маруся, я покараулю, – сказала одна.

Вторая ушла внутрь дома и скоро вернулась в сопровождении трех женщин и мужчины.

– Ну, доехали благополучно? Тут в ящике у вас что? – спросил мужчина.

– Тут макароны, Семен Петрович.

– Давайте разгружать. По накладной всё получили?

– Почти всё.

Из разговора Миша понял, что женщины привезли продукты для райсоветовской столовой. В эти дни не хватало транспорта, и работники столовой своими силами, на тележках, возили все необходимые продукты.

Очень хотелось есть, и Миша пожалел, что постеснялся сказать об этом майору. По опыту он знал, что скоро это мучительное чувство притупится и лучше всего не думать про еду. Полубессонная ночь тоже давала себя знать, и, несмотря на свежий воздух, глаза слипались.

– Тележку, Таня, поставьте около кухни. Завтра утром на хлебозавод машина пойдет, – сказал мужской голос.

Было что-то знакомое во всей фигуре этого человека. Где-то Миша видел его. Мальчик лениво встал и без всякой цели подошел к двери, куда уносили привезенные продукты. У двери, держа ее ногой, стояла девушка.

– Тебе чего надо? – спросила она Мишу.

– Ничего, – буркнул он в ответ и, сунув руки в карманы, молча стал наблюдать за проходящими.

Мужчина шел последним и задержался в дверях.

– Пошлите ко мне раздатчицу, – сказал он девушке.

За дверью слабо горела синяя лампочка, но и этого света оказалось достаточно, чтобы разглядеть мужчину. Миша остолбенел: в двух шагах от него стоял тот, за кем он приехал сюда из Старой Деревни и кого так упорно ждал около недостроенного дома.

Когда все ушли внутрь помещения, Миша направился следом за ними, но остановился у дверей. «Нет! – подумал он. – Зачем? Теперь я знаю, что он тут работает и, значит, никуда не уйдет».

Не в силах сдержать своего волнения, Миша сошел вниз и стал ходить взад и вперед перед подъездом здания районного совета, с нетерпением поглядывая в сторону трамваев и проходящих машин.

«Как он ушел незаметно из дома? – думал мальчик. – Хорош был бы я, если бы ждал его там».

Время шло медленно, но наконец пришла машина, и из нее вышел майор. Миша сразу узнал его по походке и бросился навстречу.

– Иван Васильевич!

– А почему не «дядя Ваня»? Привыкай. Замерз?

– Послушайте, что я скажу вам, – взволнованно перебил мальчик. – Он тут. В столовой. Директором работает.

– Вот как... Идем за мной.

Они вернулись к автомобилю, и майор открыл дверцу.

– Бураков, пересядьте! – коротко приказал он.

Бураков, приехавший вместе с начальником, уступил место Мише, пересев к шоферу. Майор сел рядом с мальчиком и захлопнул дверцу.

– Рассказывай все по порядку, – сказал майор.

Миша обстоятельно доложил обо всем, вплоть до того, как неожиданно увидел мужчину в сером пальто при свете синей лампы.

– Та-ак, – задумчиво произнес майор, когда мальчик кончил рассказ. – Молодец! А ты не ошибся? В темноте можно было его принять за другого.

– Он, честное слово, он! – горячо сказал Миша.

– Сейчас мы проверим. Ты, наверно, хочешь есть? Вот тебе закуска, – с этими словами майор передал мальчику пакет.

– Спасибо. Честно сказать, здорово проголодался.

Пока Миша развертывал пакет с бутербродами, майор закурил и неторопливо вышел из машины.

– Подожди-ка, дружок, – остановил он Мишу. – Потерпи еще немного. Я тебя обедом накормлю.

– Да нет... Спасибо, Иван Васильевич. Мне и так хорошо, без обеда.

– Потерпи, потерпи.

Майор захлопнул дверцу и ушел в райсовет. Горько вздохнув, Миша стал завертывать еду.

– Есть очень хочется, Миша? – спросил Бураков.

– Понятно, хочется.

– Ну, так ты съешь пару бутербродов, а потом еще и пообедаешь. Не лопнешь ведь?

– Он не велел.

– Он досыта наедаться не велел, а то обедать не захочешь.

– Нет, уж лучше я потерплю.

– Как хочешь. Обстреливали тут сегодня здорово?

– Здорово. Земля качалась.

– Номер дома, значит, ты не запомнил?

– А номера там и нет. Новый дом.

– Надо было соседние дома посмотреть.

Майор вернулся скоро и, открыв дверцу, жестом пригласил Мишу следовать за собой.

– Ну, идем обедать. Я вызову заведующего, а ты смотри внимательно, – сказал он, поднимаясь по ступенькам подъезда.

Теперь Миша понял план майора и с бьющимся сердцем шел за ним по коридору. Ему почему-то казалось, что он не узнает «того».

Они пришли в столовую. Большинство столов были составлены один на другой, стулья сдвинуты в конец зала. Видимо, предполагалось мытье полов. За буфетом при свете опущенной до стойки лампочки сидела женщина, наклеивая талоны на листы, вырванные из какой-то книжки. Кроме нее в глубине зала за одним из столов неподвижно сидел человек в странной позе.

Майор подошел к стойке.

– Вызовите, пожалуйста, заведующего, – сказал он.

Буфетчица подняла голову, прищурившись, посмотрела на позднего посетителя и сердито спросила:

– Зачем вам его?

– Нужно.

– Ни днем ни ночью покоя нет! – проворчала она, но, открыв находившуюся за стойкой дверь, крикнула: – Семен Петрович! Вас требуют.

Пока майор разговаривал с буфетчицей, Миша разглядывал сидевшего в глубине зала человека. Навалившись грудью на стол, он крепко спал. Шапка его была сдвинута набок, голова лежала на руках, а ноги широко расставлены. «Неужели пьяный?» – подумал мальчик. Он заметил, что майор тоже мельком взглянул на спящего и отвернулся.

Минут через пять вышел мужчина, черты лица которого мальчик запомнил на всю жизнь.

– Что вам надо? – спросил мужчина.

– Мне заведующий нужен.

– Заведующего нет. Я замещаю.

– А это все равно, – сказал майор, протягивая листок бумаги. – Вот вам записка от начальника штаба.

Мужчина прочитал записку, равнодушно передал ее буфетчице и ткнул пальцем в сторону стола.

– Садитесь за дежурный стол. Сейчас накормим. Только кухня уже не работает – разогревать не на чем.

– Не важно.

Ждать пришлось долго, пока принесли в тарелках суп. Обед полагался без хлеба, но Миша приберег все бутерброды и теперь поделился ими с «дядей Ваней». При электрическом свете он разглядел, как был одет майор. Короткая ватная куртка, темные брюки, засунутые в простые сапоги, защитного цвета фуражка. Мише было очень приятно сидеть с ним за одним столом и хлебать холодный, невкусный суп. Он ждал вопроса. Когда буфетчица, собрав листочки, вышла из зала, майор тихо спросил:

– Тот?

– Он самый, – так же тихо ответил мальчик.

Суп свой Миша съел в два раза быстрее Ивана Васильевича. Оглянувшись на спящего, он, к своему удивлению, увидел широко открытые глаза, пристально уставившиеся на него.

Мише стало не по себе, и он отвел глаза в сторону.

– Дядя Ваня... а тот смотрит, – прошептал он.

– Пускай смотрит. Пьяный, наверно.

Вернулась буфетчица, забрала ножницы и баночку с горчицей, служившей для приклеивания талонов, и снова ушла. В это время человек, притворявшийся спящим, «проснулся», зевнул и нетвердой походкой направился к столу, за которым сидел майор с мальчиком.

Это был новый сюрприз, от которого Миша чуть не свалился со стула. В пьяном он узнал человека, который принес утром в Старую Деревню пакет с картошкой и показывал ребятам немецкие часы.

– Я извиняюсь, товарищ... – заплетающимся языком обратился он к майору. – Сколько сейчас времени?

– Без четверти, – сказал майор, посмотрев на часы.

– Извиняюсь... Я, понимаете ли, уснул тут...

– Пить надо меньше, – сухо бросил Иван Васильевич.

– Я понимаю... Извиняюсь. Работа такая... Я, понимаете ли, тут в районе шофером работаю... Я завтра... Ну, в общем, немного выпил по случаю... Извиняюсь...

С этими словами шофер подошел к столу, ухватился рукой за спинку стула, на котором сидел Иван Васильевич, покачнулся и ловким движением передал ему какую-то бумажку. Миши он, видимо, не стеснялся, потому что после передачи письма шелкнул его по носу.

– Извиняюсь, это что, ваш сынок будет?

– Племянник, – сухо ответил майор.

– Очень приятно. Симпатичный у вас племянник... Извиняюсь. Надо спать. Утром мне за хлебом ехать.

Шофер зевнул и медленно поплелся обратно. Сев на старое место, он долго возился, что-то бормотал, но наконец успокоился и как будто опять заснул.

Мише еще утром понравился этот коренастый, крепкий человек, а сейчас он просто был в восторге от него. Ни один артист, по его мнению, не сыграл бы так правдиво роль пьяницы.

Пшенную кашу с крошечными кусочками мяса принес сам Семен Петрович. Поставив ее перед обедающими, он облокотился о стойку буфета и обратился к майору:

– Вы из МПВО*, товарищ?

– Да.

– С дежурства?

– Да.

– Нового ничего не слышно? Сталинград еще держится?

– Кажется, да. Вам здесь, в райсовете, больше известно.

– Ничего нам тут не известно. Бьют немцы из Пушкина* в нас – это вот нам известно.

Скоро ли это все кончится?

– Скоро ли, не знаю, а кончится обязательно.

– Затягивается война. Наши не сдадутся.

– Да. Привычки такой нет, чтобы сдаваться, – сказал майор, поднимаясь из-за стола. – Простите, я тороплюсь. Поговорим в другой раз. Сколько платить?

Рассчитавшись, они вышли на улицу и сели в машину. Всю дорогу майор молчал и курил. Мише хотелось задать ему несколько вопросов, но он крепко запомнил замечание Николая Васильевича, что никогда ко взрослым не следует обращаться с праздно-любопытными вопросами и не заговаривать первому, пока не спросят.

По пути Мишу завезли на судно.

– Иди спать, Миша. Завтра я заеду к Николаю Васильевичу, и увидимся, – сказал на прощанье майор.

6. РАЗГОВОР В ТЕМНОТЕ

Поднимаясь по трапу, Миша услышал окрик:

– Эй! Кто там? Ты, что ли, адмирал?

– Я.

– Шикарно, браток, живешь. На машине прикатил.

Миша промолчал. Его раздражал этот шутливо-покровительственный тон, но, как отучить от него машиниста, он не знал. Самое лучшее – отмалчиваться.

– Ты что-то и разговаривать не хочешь?

– Если ты меня все время дураком выставляешь, то говорить нам нечего, – буркнул Миша, направляясь к себе.

– погоди, Миша. Куда торопишься? – дружелюбно сказал машинист, загораживая дорогу. – Давай поговорим по-хорошему. Когда я тебя дураком выставлял?

– Всегда. Зачем ты меня адмиралом зовешь?

– Да ведь я по-дружески... погоди. Ребята за день натрудились – и спать, я на вахте один. Посидим.

Сысоев сел на бухту каната, вытащил из кармана коробку с табаком и начал крутить из газетной бумаги сигарку. Миша хотел уйти, но почувствовал какую-то новую нотку в голосе машиниста и остался.

– Сложная, брат, штука жизнь... – глухо, со вздохом сказал Сысоев, пристраивая фитиль к кремню и ловко высекая огонь. – Похоже, что я один на всем свете остался... Видел сегодня земляка. Говорит, деревню нашу немцы сожгли, а стариков моих на тот свет отправили... Печальная картина получается.

Сысоев помахал затлевающим фитилем, прикурил толстую сигарку и закашлялся.

– Тьфу! Черт! Першит в горле.

Где-то в ближайшем доме заиграл патефон. Миша вспомнил, как он тоже потерял мать, и ему стало жаль этого одинокого человека.

– А деревня у нас была хорошая, – продолжал Сысоев, освещая свое лицо огнем сигарки. – На высоком месте, а внизу речка. Фруктовых садов много, и больше всего вишни... Весной, когда цветут, очень замечательно! Выйдешь вечером на улицу, так, понимаешь, такой аромат нежный... А днем пчелы гудят. И вот, когда все это было, так не ценил. А в плавание ушел да попал за границу, тогда и заскучал. И сейчас... Стоит перед глазами вся деревня в цвету... А в речке у нас раков много. Ты ловил когда-нибудь раков?

– Нет.

– А я много их ловил, когда вроде тебя шпингалетом* был. Ночью ловили. Соберемся компанией, круглых сеток наделаем, на середину лягушку ободранную привяжем и на палках спустим с берега. А потом костер разведем и сидим кругом, сказки страшные рассказываем. Про домовых, про русалок да про леших. Дураки были – верили, боялись.

– Ну а раки? – спросил Миша.

– Чего раки? Раки свое дело делают. Залезут в сетку лягушку сосать, ну и вытащим их на берег – и в ведро с крапивой.

– Зачем с крапивой?

– А в крапиве они живучими бывают. Лучше, чем в воде.

Завыли сирены на военных кораблях, их подхватили гудки заводов, а затем и городское радио объявило тревогу.

– Никак, налет! – сказал Сысоев, поднимаясь с бухты. – Давно не было. Так ты, Миша, на меня не сердись. Я ведь это так...

Они поднялись к рубке и стали наблюдать. Во всех концах города вспыхнули столбы прожекторов, пошарили по небу и исчезли. Где-то очень далеко в небе замелькали желтые разрывы зениток. Когда донеслись их хлопки, Миша обратил внимание на то, что патефон по-прежнему играет какой-то вальс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.